

Казимирчук Александра Дмитриевна

канд. филол. наук, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»

г. Москва

DOI 10.31483/r-104715

АНТРОПОМОРФНЫЕ МОТИВЫ В ОРИЕНТАЛИСТСКОМ РОМАНЕ НИКОЛАЯ КАРАЗИНА «ДВУНОГИЙ ВОЛК»

Аннотация: статья посвящена особенностям выражения антропоморфности в ориенталистском романе «Двуногий волк» писателя, художника, журналиста, военного, этнографа и иллюстратора XIX века Николая Николаевича Каразина. Выражению антропоморфизма в ориенталистских произведениях туркестанской тематики XIX века свойственны определенные черты, связанные с особенностями культурного и общественно-политического дискурса того времени.

Ключевые слова: Николай Каразин, Туркестан, Средняя Азия, завоевание Туркестана, «туркестанский» текст, ориентализм, писатели-беллетристы, художники и писатели XIX века, ориенталистская проза XIX века.

Николай Николаевич Каразин (1842–1909) – известный живописец, писатель, корреспондент, иллюстратор, военный и ориенталист. Сейчас его вспоминают в основном как художника, однако до революции прозой Николая Каразина зачитывались современники не только в России, но и за рубежом. В его повестях, очерках и рассказах впервые нашли отображение жизнь, нравы, природа, фольклор и все разнообразие национальных, бытовых и культурологических особенностей мира Средней Азии XIX века.

Николай Николаевич Каразин – яркий представитель ориенталистской прозы, значительное, но, увы, забытое явление в русской литературе XIX века.

Каразина можно назвать одним из первых писателей, впервые открывших все многообразие среднеазиатского востока европейскому читателю. Проза Каразина пронизана любовью к природе и животному миру Туркестана. Бестиарий прозы Николая Каразина чрезвычайно богат, а антропоморфность персонажей – одна из важнейших характеристик не только его восточного цикла произведений, но и сказок, сопровождавшихся красочными иллюстрациями самого автора. Под антропоморфизмом понимается «процесс переноса облика и свойств человека на материальные и идеальные объекты, в результате которого такие объекты уподобляются человеку, становятся «человекоподобными» [10]. Н.Л. Кременцов в своей работе «Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений» рассматривает антропоморфизм, как явление подчеркивающее принципиальное сходство поведения человека и животного в противовес логоцентризму, отстаивающему их принципиальное отличие [7, с. 1659].

Роман «Двуногий волк» публиковался в журнале Нива в 1874–1875 гг. с рисунками самого автора, а затем издан отдельной книгой в издательстве А.Ф. Маркса в 1876 году и выдержал несколько переизданий. При жизни писателя произведение было переведено и опубликовано на английском и немецком языках. Сюжет «Двуногого волка» разворачивается на фоне важного исторического момента туркестанской компании Российской империи – хивинского похода 1873 года и последующих за этим столкновениях с отрядами туркменских кочевых племен: «мирные узбеки, землепашцы и садоводы хивинского оазиса тоже брались за оружие; последние не знали, впрочем, против кого придется употреблять эти допотопные фитильные мултуки, эти кривые, серпообразные клинчи и тростниковые пики – против ли белых рубах, которые ещё, впрочем, не показывались, или же против своих буйных кочевых соседей, тюркмен, уже дававших знать по окраинам о своей готовности ополчиться за веру, пророка, за самобытность своих обычаев, за свою необузданную волю, прикрывая все это благонамеренной маской своих обязанностей относительно хивинского хана, их феодала» [3, с. 14].

Двуногим волком именуется мирза Атам-кул – вожак одной из «разбойничьих» группировок, бунтарь, который отказывался подчиняться не только русским, но и самому хану. Он оказывается волком-одиночкой, которого не принимают ни одна из «стай» или группировок внутри ханства, и на которого объявляют охоту.

Окружение Атам-кула именуется его «бестией» и волком-предателем, потому что он несколько раз меняет «воюющую сторону», следуя не зову истинной преданности, а своей «хищнической натуре». Сначала «степной бродяга» [3, с. 5] Атам-кул разоряет местные поселения, а затем, почуяв выгоду, примыкает к русским солдатам и даже добивается уважения среди однополчан. На службе у «белорубашечников» Атам-кул собирает свое небольшое подразделение таких же перебежчиков, которое с его негласного разрешения, занимается грабежами на подконтрольных российской империи территориях. Когда высшие чины узнают о самовластии, то планируют наказать Атам-кула за мародерство, однако «двуногий волк» сбегает и примыкает к кочевым образованиям, воюющим с русскими. Столь дерзкий шаг по отношению к своим бывшим товарищам помог «волку» возглавить группу степных барантачей для борьбы и мести.

Хищнический образ персонажа подчеркивается следующими аномалистическими сопоставлениями: «зоркие разбойничьи глаза» [3, с.5], «степной бродяга» [3, с. 5], «волчья натура» [3, с. 13], «волчий аппетит» [3, с. 14], «жадность волка» [3, с. 15] «бестия» [3, с. 57], «хищник» [3, с. 17] и мн. др. Важно отметить, что и среди кочевых народов, и среди славян, образ волка имел сакральное значение, как проводник между мирами [9, с. 24]. Атам-кул действительно вызывал чувства трепета и восторга среди кочевников, поскольку был единственным, кто смог быть успешным в «двух» мирах: и среди русских, и среди повстанцев. В романе Атам-кул занимается неблагородным делом – расхищением имущества завоеванных, подбивая на это и своих однополчан. Можно сказать, что подобно этимологическому пониманию значения слова «волк» [11], двуногий волк Атам-кул «уволакивает», утаскивает то, что ему не принадлежит. Он также похищает

давно им желанную Наталью Мартыновну Чижикову, медсестру, сопровождавшую полк русских военных.

Каразин переворачивает образ волка из положительного, мистического, тотемного животного, в образ Иуды, «волка в овечьей шкуре» [3, с. 66], который «рыщет» в поисках выгоды, но в конце концов теряет всё. Глубину важности символов волка, орла, верблюда, оленя (в Киргизии), тигра и прочих животных Средней Азии ориенталист, путешественник и этнограф Николай Каразин хорошо понимал и часто использовал для создания противопоставления Восток – Запад или игры с данной культурной и смысловой дихотомией, которая сопровождала многие ориенталистские произведения XIX века.

Роман не сконцентрирован полностью на фигуре Атам-кула, скорее он является антигероем, функция которого заключается в том, чтобы создать конфликт и «перевернуть» с ног на голову привычный ход вещей, обнажить суть других персонажей, к примеру, завершить историю Натальи Чижиковой, которая начинается в другом произведении, а именно в повести «В камышах». Два данных произведения («В камышах» и «Двуногий волк») образуют дилогию и в собрании сочинений следуют друг за другом, как продолжение, хотя важно отметить, что Наталья в повести и в романе – это уже два разных человека. «В камышах» Чижикова – совсем юная, капризная девушка, ставшая (вольно или невольно) причиной ужасной трагедии в жизни влюбленного в неё офицера-охотника на тигров Петра Касаткина. Повесть заканчивается на полуслове, но мы понимаем, что девушка беременна вне брака от соблаздившего её безответственного повесы, Касаткин погиб, и дальнейшая судьба героини кажется читателю обреченной. Однако в романе «Двуногий волк» перед нами совсем другая Наталья Чижикова: чуткая, добрая, терпеливая сестра милосердия, «ангел», любящая мама для сына, рожденного без отца. Она ездит с отрядом, обеспечивая не только медицинскую помощь, но и духовную поддержку солдат. За те пару лет, что остались за скобками и читателю неизвестны, мы видим, что произошла глубокая трансформация не только характера героини, но и душевного облика. Оставаясь

одинокой и беззаветно преданной служению солдатам, Наталья будто замаливает грехи прошлого. Следует отметить, что в казахском фольклоре существует мифологическое представление о волках, которые выступают в роли «перста судьбы», обрушивающегося на человека без его воли, настаивающего вне зависимости от обстоятельств [5, с. 141]. В таком представлении «двуногий волк» Атам-кул появляется в судьбе Натальи Мартыновны, как некий символ возмездия: для того, чтобы начать свою счастливую семейную жизнь (в конце романа мы узнаём, что Чижикова возвращается в родной дом с новым мужем), ей необходимо пройти «обряд» очищения через страдания.

Николай Каразин создает ряд анималистичных образов-маркеров, некоторые из которых стали отождествляться с периодом завоевания Туркестана, к примеру, «белые верблюды», как символ русских завоевателей, тигрица – символ восточной женщины, вырывающейся из оков традиционных ценностей (в повести «Тьма непроглядная», «Ак-томак», «Тигрица» и др.). «Белые верблюды» в прозе автора олицетворяют сакральных животных Средней Азии, и, одновременно, русских завоевателей, поскольку их называли «белыми рубахами» из-за цвета русской военной формы, которая подразумевала наличие белого (светлого) верха. Следует отметить, что сам Николай Каразин, будучи военным, с гордостью относил себя к «белым рубахам». Это заметно в некоторых авторских отступлениях внутри текста: «это были батальоны «белых рубах», а они умели гибнуть, не теряя человеческое достоинство» [3, с. 100].

В романе «Двуногий волк» герои русских и среднеазиатских батальонов также ассоциируются с тиграми. Каразин проводит прямое противопоставление «тигр/волк», подчеркивая, что тигр – это символ смелости, неподчинения (в произведениях о среднеазиатском быте женщин), вольнодумства, а волки – это трусость, желание наживы, хитрость и подлость. К примеру, корреспондента американской газеты *New York Herald*, путешествующего по Средней Азии в поисках «горячих новостей», преследуют разбойники: «на одного тигра десяти волков мало» [3, с. 97], «волки погнались по следу тигровому» [3, с. 98].

Иногда качества тигра и волка в романе соседствуют. К примеру, в эпизоде о хивинских эмиссарах, местных пропагандистах, которые сочиняли байки и тревожили умы местных жителей, Каразин пишет: «эти ловкие «ищейки», у которых были длинные носы и гибкие языки, смелость тигра, жадность волка, хитрость лисы и прыткость зайца... волновали киргизов, подстрекая их к поголовному восстанию» [3, с. 15]. В данном случае тиграми именуются персонажи, играющие отрицательную роль, но невольно вызывающие восхищение автора своей смелостью, ловкостью и чрезвычайной наглостью.

В романе «Двуногий волк» природа, животный мир не просто живет своей жизнью, параллельно с человеком, напротив, активно вмешивается в судьбы людей, помогая и мешая, предвещая предстоящие события. К примеру, перед побегом Атам-кула из плена и похищением Чижиковой, погода резко ухудшается, воздух становится липким и разряженным, оставляя в душе у Натальи «тоскливое беспокойство, безотчетное предчувствие чего-нибудь недоброго, рокового» [3, с. 69]. И действительно, спустя какое-то время начинается ураган «катаджиль» («большой ветер»), Атам-кул убегает, похитив сына Натальи, а затем, обманом выманивает из лагеря и маму мальчика.

Каразин отмечает, что не одна Наталья предчувствовала страшные события. Вместе с ее тревожностью, нарастает беспокойство и среди животных, обитающих в лагере, которые словно «разделяли это чувство с человеком»: «все в поту, уставив неподвижно бесцветные, словно мертвые глаза, широко раздув кроваво-красные ноздри, тревожно насторожив уши, стояли лошади в своих коновязях и не ели корма... Собаки зарывались в песок и жалобно выли. Верблюды – те все полегли, вытянули головы... Ишаки сбились в кучу и пронзительно орали. Этот рев вместе с унылым вытьем собак еще более усиливал общую тоску и наводил на людей уныние» [3, с. 66].

Олицетворение, как прием, присутствует в романе Каразина повсеместно: разбойничье войско было похоже на «гончих борзых псов» [3, с. 78], барантачи, полумертвые от отсутствия воды, «оборваны словно шакалы» [3, с. 92] и многое другое. Повествование также ведется от лица животных или насекомых, которые

становятся невольными свидетелями исторических событий, бесстрастными наблюдателями. К примеру, степные волки наблюдают за Атам-кулом, мечтая подобраться к мертвой лошади. Одного из «отошальных хищников» «взяло раздумье» [3, с. 6]: «И что это он расположился тут со своими собаками!.. Ступай своей дорожкой» [3, с. 6]. Читатель наблюдает за Атам-кулом глазами голодного волка: перед нами странный человека, который слишком долго сидит на одном месте и, который, возможно, обезумел, потому что «всматривается» в даль и говорит сам с собой.

Каразин сопоставляет человека и животное, поэтому эпизоды, описывающие людей, соседствуют с анималистическими зарисовками. К примеру, из повествования мы узнаем о том, что в пустынях Кизил-Кум стало много разбойников, которые по ночам стягиваются туда в поисках поддержки для объединения в организованное мародерское войско. Параллельно с этим эпизодом соседствует описание голодных волков, рыскающих по пустыне. Они размышляют о том, что и им, «четвероногим хищникам, будет чем поживиться» [3, с. 17], когда начнутся более частые нападения на караваны.

Каразин описывает романтическую историю, наполненную экзотическими персонажами, антропоморфными противопоставлениями и культурологическими маркерами ориентализма, комбинируя с зарисовками реальной социально-политической подоплекой военных действий в Туркестане на момент написания произведения. История двойного предательства Атам-кула используется Каразинным для того, чтобы показать историческую перспективу, масштаб конфликта, заглянуть в разные уголки Туркестана, показать антураж. Роман публикуется «по горячим следам» реальных событий, но повествует о людях, которые ищут себя, свой путь и хотят жить в гармонии с природой.

Список литературы

1. Каразин Н.Н. По поводу 30-летия литературной и художественной деятельности / Н.Н. Каразин // Нива. – 1901. – №49. – С. 742 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/i477.html> (дата обращения: 10.10.22).

2. Каразин Н.Н. Двуногий волк: роман в 2 ч. Ил. авт. / Н.Н. Каразин. – 3-е изд. с 11 рис. авт. – СПб.: А.Ф. Маркс, ценз. 1876. – 312 с.

3. Каразин Н.Н. Собрание сочинение / Н.Н. Каразин. – СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1904–1905.

4. Хазанкович Ю.Г. Архетип «Волка» в фольклоре и литературе / Ю.Г. Хазанкович // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №4 (72) – С. 177–182.

5. Султанова М.Э. Волк в шаманской натурфилософии кочевников Центральной Азии / М.Э. Султанова, Н.А. Михайлова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – №3. – С. 135–143.

6. Кочкарев Ф.Е. История и теоретические аспекты исследования антропоморфизма животного мира в мировой художественной литературе / Ф.Е. Кочкарев // Молодой исследователь Дона. – 2017. – №6 (9). – С. 210–215.

7. Кременцов Н.Л. Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений / Н.Л. Кременцов // Русский орнитологический журнал. – 2009. – Т. 18. – С. 1659–1682.

8. Karazin N.N. The two-legged wolf: romance (illustrated by the author) / translated by V. Lanin / N.N. Karazin. – Chicago and New York: Rand, McNelly & Company, 1894. – 322 p.

9. Дэвлет М.А. Генезис шаманства по материалам наскальных изображений Сибири / М.А. Дэвлет // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб., 1996. – С. 24–27.

10. Забияко А.П. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / А.П. Забияко; сост. И.Т. Касавин. – 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://gufo.me/dict/epistemology_encyclopedia/%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%B8%D0%B7%D0%BC (дата обращения: 27.11.22).

11. Этимологический онлайн-словарь А.В. Семёнова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/в/волк> (дата обращения: 10.12.22).